

Общественные службы

Александр Моисеевич Атабекян

1920

Одним из крупных пробелов современной политической экономики является то, что она не включила в предмет своего изучения общественные службы. В процессах производства, обмена и распределения народных богатств общественные службы всегда играли выдающуюся роль. Если задача прикладной политической экономики «изучение потребностей людей и способов их удовлетворения с наименьшей непроизводительной тратой сил» (Кропоткин), то нет сомнения, что эта цель достигается главным образом развитием общественных служб.

Во время мировой войны «старый профессор политической экономики», — так назвал себя Шарль Жид, — пришел к выводу: «ныне ниспровергается все, чему мы учили».

Если бы в политической экономике не было указанного пробела, то мировая катастрофа ничего бы в ней не разрушила: она подчеркнула бы лишний раз всю пагубную роль государственной власти, вмешивающейся в хозяйственную жизнь народов не только в военное время, но и при обычной обстановке, посредством присвоения монополии на общественные службы.

Александр Моисеевич Атабекян
Общественные службы
1920

Скопированно 24 июля 2018 из
<http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/P/20-5.htm#s4-2>

ru.theanarchistlibrary.org

С другой стороны чудовищный опыт, производимый в России государственной властью, окончательно лишает современную политическую экономию предмета ее изучения. Сложные законы науки об общественном хозяйстве, вытекающие из физиологических умственных и моральных свойств и потребностей человека, власть претендует заменить жалкими канцелярскими декретами. Она стремится превратить все живые процессы производства, обмена и распределения богатств в абсурдные по своей централизации общественные службы, подведомственные ее бюрократическим органам.

Не осталось ни одной потребности, ни одного уголка личной жизни, в которую власть не вмешивалась. Она мнит «нормировать» каждый кусок хлеба, подносимый ко рту, каждый фут воздуха в жилищах, каждую мысль в нашей умственной жизни; и все это — грубым принуждением и суровыми карательными мерами.

Положение крестьян до 1861 года едва ли было во всех отношениях хуже. Все же мы, анархисты, не унываем, мы верим в наше 19 февраля, но на этот раз не декретированное сверху, — властью, какого бы цвета она ни была, — а добытое снизу.

Если бы политическая экономия изучала общественные службы, она могла бы нам дать указания, как предохранить хозяйственную жизнь общества от государственной власти, то низвергающей народы в пучину кровавых и разорительных войн, то подвергающих их законодательным безумиям.

Для освобождения хозяйственного развития человечества от пагубного воздействия государственной власти нужно познать технику власти, ее нехитрую механику, обуславливающую ее силу.

этом на плачевном опыте большевистских «национализаций» и «муниципализаций».

Общественные службы возникали и развивались кооперативным объединением индивидуальных усилий.

Если бы политическая экономия включила в область своего изучения общественные службы, то она неизбежно пришла бы к выводу: *самое необходимое условие для достижения удовлетворения потребностей людей с наименьшей непроемчивой тратой сил, это — отделение общественных служб от государства.*

В нашу эпоху власть, опирающаяся исключительно на прямые насилия, не могла бы, технически не была бы в состоянии просуществовать.

Власть сильна тем, что присвоила монополию на общественные службы.

Знаток истории во времени и пространстве, Элизе Реклю, признает одним из законов исторического развития — *стремление к свободе личности.*

К свободе от кого? Понятно, от власти.

Личность не может достичь свободы, но освободив от опеки правительственной власти удовлетворение своих общих с другими людьми потребностей — общественных служб.

Видя монополию на общественные службы в руках правительственной власти, многие образованные и даже ученые люди полагают, что эти службы не могут иначе функционировать. Неразрешимую проблему власти, т.е. почему власть должна находиться в руках тех, а не других лиц, они обходят тем, что, мол, кому-нибудь да следует руководить общественными службами.

Нужно полное неведение о том, как зародились и развились общественные службы, чтобы приписывать государственной власти какую-либо организационную роль.

Не со вчерашнего дня возникли общественные потребности в народном просвещении, путях сообщений, почте, правосудии, однородных монетных знаках для товарообмена, даже в распределении главных продуктов питания и т.д.

Все эти службы были созданы частным почином и кооперативным согласованием личных усилий в общественные организации. Правительственная же власть лишь налагала на них, по мере их развития, свою тяжелую, мертвящую руку, чтобы закрепить эксплуататорские привилегии за гос-

подствующими классами или использовать общественные службы для упрочения своего собственного господства.

В переживаемое нами время ярким примером сказанному служит трагическая неравная борьба кооперации с социалистической властью.

Неспособная организовать распределение продуктов, потерпев при своих самостоятельных попытках в этой области полный провал, правительственная власть стремится *подчинить себе* испытанные по своей практичности органы потребительской кооперации.

На это выдающееся явление современной жизни мы, анархисты, не обращаем должного внимания. Практическое бессилие анархистского движения вытекает из того, что мы не противопоставляем *практическому захвату* общественных служб государственной властью *практические же средства* для ограждения их независимого существования и развития. Все общественные службы, закрепощенные властью, должны реорганизоваться там, в «будущем», каким-то чудом, «народным творчеством», «народной самодеятельностью», а когда это творчество, эта самодеятельность на наших глазах губится властью в виде порабощения кооперации, попирания ее свободных начал, то анархисты проходят мимо, как будто это их не касается, или ограничиваются мимоходом брошенными платоническими пожеланиями.

Другой пример. Когда та же власть разогнала Всероссийский Профессиональный Союз учителей, выставивший еще при Временном Правительстве требование полной самостоятельности народного просвещения, сформулированное К. Вентцелем в лозунге «отделение школы от государства», то анархисты не обратили даже внимания на этот вопиющий разгром практического проявления их учения в этой важной области жизни, а между тем сколько чернил было пролито по поводу реквизиции у экс-

государственники, а прямой путь к осуществлению привилегий, к извращению коммунистического развития.

Разве наш государственный коммунистический опыт не достаточно это доказал, превратив промышленных рабочих в паразитов, опекаемых правительственной властью и насильственно требующих от крестьянства все продукты питания *по своим потребностям*, но не дающим деревне ничего, или почти ничего взамен?

Борьба классов — на этот раз пролетариата с крестьянством — у нас на полном ходу.

Не менее характерно возникновение водоснабжения в маловодной Передней Азии. Там малейший источник у большой и проселочной дороги приспособлен для общего пользования. Тут вы встретите разные типы приспособлений, начиная от простого углубления в грунте до сложных и изящных каменных и даже мраморных сооружений с водопроводами, закрытыми резервуарами, медными кранами и высеченными из цельного камня колодами для лошадей. Все пользуются этими источниками, и лишь изветрившиеся надписи напоминают о коммунистической психологии у инициаторов этих сооружений общественного пользования.

Коммунизм настолько свойствен человеческой психологии, что проявляется даже там, где меньше всего можно было бы ожидать. Все лучшие московские клиники и больницы, поразившие даже западно-европейских врачей во время международного медицинского съезда, созданы не государственной властью, а личным почином московских купцов и купчих.

К какому упадку и дезорганизации привела их власть, называющая себя социалистической, лишив общественные учреждения животворящих забот личной инициативы и духа общечеловеческой взаимопомощи, мы убедились в

На моей родине, когда кому-нибудь нужно перейти через разбушевавшийся в бурный поток горный ручеек, он сваливает вблизи растущее дерево через овраг и проходит по импровизированному мосту. Мостик остается, кто-либо другой приспособляет жердь, чтобы женщины и дети придерживались за нее, и этот примитивный путь сообщений поступает в безвозмездное общее пользование.

В Персии, в этой стране своеобразных горбатых мостов, множество этих подсобных путей сообщения; они были когда-то кем-то выстроены и поступили во всеобщее пользование. Сооружались они обычно коллективным (кооперативным, сказали бы европейцы) объединением жителей округа или частной инициативой. Вначале для покрытия затрат обычно взимается особая плата за пользование мостом. Поколение, видевшее сооружение, охотно вносит сбор. С течением времени, по мере погашения затрат, мосты переходят в общее безвозмездное пользование, если только правительственная власть не закрепляет первоначально справедливые сборы в эксплуататорскую привилегию или сама присваивает эту привилегию (подобно сборам за более известные европейцам мосты в Константинополе).

Подобным же образом сооружались в Персии *мощные* дороги.

А разве наши проселочные и многие шоссе и железные дороги возникали не тем же путем общинного и частного почина? Правительственная власть берет в свои руки дело руководства путями сообщений лишь для того, чтобы *временные* справедливые сборы и небольшие расходы по их поддержанию превратить в эксплуататорские доходы для привилегированных предпринимателей или в постоянные принудительные *налоги* в свою пользу.

Государственная власть — не средство для осуществления коммунизма, как мнят это социалисты-

проприаторов Купеческого Клуба в Москве более сильным экспроприатором — государственной властью, и разоружения печальной памяти «Черной Гвардии»¹!

История возникновения и развития общественных служб и их подчинения себе государственной властью заслуживала бы особого изучения под углом зрения нашего учения. К сожалению я не располагаю для этого ни средствами, ни временем, поглощенный в нашем «коммунистическом отечестве» добыванием средств для существования. Ограничусь по этому предмету своими сравнительными наблюдениями и впечатлениями, вынесенными из долголетнего пребывания в разных странах в качестве эмигранта.

Несколько слов о народном просвещении.

Народное просвещение в Персии до сих пор предоставлено частной инициативе, кроме некоторых учреждений в столице. Бесчисленные муллы и ахунды на каждой улице, на каждом перекрестке в городах, в каждой деревне, в каждом поселке или любой небольшой группе хижин, обучают детвору грамоте. Любопытное явление для Востока: обучение мальчиков и девочек совместное. Мне, как врачу, приходилось немало разъезжать по стране. Впечатление у меня таково, что грамотность, — примитивная по своим методам преподавания, быстро забываемая, — более распространена в Персии, чем в России.

Более высоко и столь же независимо от государственной власти было организовано начальное народное просвещение у закавказских армян. Многочисленные общинные

¹ Купеческий Клуб имели право экспроприировать только сами наемные служащие этого прекрасно оборудованного учреждения, превратив его из закрытого привилегированного дома для азарта и чревоугодничества в общедоступную столовую, библиотеку-читальню и место здоровых развлечений. Ныне Купеческий Клуб снова стал гнездом другого азарта — жажды власти, школы партийных агитаторов.

школы, непосредственно поддерживаемые самим населением, без всякой *правительственной субсидии*, и руководимые коллективами учителей, обеспечивали детям начальное образование, нередко приближавшееся к среднему. Эти школы укрывались при самодержавии от посягательств власти под щитом церковно-приходских.

Тут уже статистика показала, что грамотность среди армян бывшей Российской Империи была более распространена, чем у державной нации, ближе взятой под *правительственную опеку*.

В начале 900-х годов царское правительство попыталось было наложить свою тяжелую десницу на фактически *отделенную от государства* армянскую школу, но единодушный активный протест всего народа, без различия классов, заставил отступить от своих притязаний даже самодержавную власть².

Другой, более высокий, тип учебных заведений представляют «школы преподавателей», возникавшие в больших городах России и за границей.

Не являясь капиталистическими предприятиями, как многие частные училища, приспособившиеся к *правительственным* типам, школы преподавателей представляли из себя артельные, кооперативные начинания работников по народному просвещению; в них артели учителей, пользуясь значительной независимостью, применяли свои профессиональные познания, опыт и личный почин в деле совершенствования приемов преподавания и воспитания. Всем известно, насколько высоко ценились развитыми слоями населения эти артельные школы.

² Общинные школы армянских колоний, существовавшие во многих больших городах европейской России, ныне загублены все принимающей и мертвящей своей бюрократической централизацией большевистской властью. То, чего не добилось самодержавие, осуществили социалисты.

Достоинно внимания, что высшие школы и университеты, даже в демократической Западной Европе, стремятся освободиться от застаивающей опеки государственной власти. Примером тому служит Новый Брюссельский Университет, в котором читал лекции также Элизе Реклю.

Университет имени Шаньявского и недавно учрежденный в Москве Кооперативный Институт, не успевший, к сожалению, вполне организовать, представляют другие примеры, как возникают на наших глазах общественной самодеятельностью даже высшие учреждения народного просвещения, и способны бывают свободно развиваться, пока правительственная власть не берет их под свою бюрократическую опеку.

Народная самодеятельность бьет ключом в общественной жизни и каптируется государственной властью, а мы, анархисты, всё спорим о платформе для объединения, как будто анархизм может иметь свою особую платформу помимо реальной жизни, ее будничных запросов, где-то там, в диалектическом предугадывании ее будущих форм!

В задачу настоящей статьи не входит изучение возникновения и развития всех общественных служб; даже беглый обзор в этой области потребовал бы слишком много времени и специальных изысканий, недоступной роскоши в наше время «организованного понижения культуры».

Здесь я бы хотел подчеркнуть одну особенность общественных служб: *их свободное развитие, с самого их зарождения, ведет к коммунизму*. Государственная власть вмешивается в дело организации общественных служб лишь для того, чтобы их использовать для классовых и своих собственных обособленных интересов.

Анархистский коммунизм не идеал будущего, а действенная сила, возникшая испокон веков и всё совершенствующаяся в своих формах в процессе безостановочного развития.